

КОГНИТИВНАЯ ЛИНГВИСТИКА В ПАРАДИГМАХ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ФУНКЦИОНАЛИЗМА И ИНТЕГРАЛЬНЫХ КОНЦЕПЦИЙ СОЗНАНИЯ

Когнитивная лингвистика характеризуется во внутринаучном контексте, в аспекте ее включения в парадигмальное лингвистическое направление функционализма и в контексте наук, исследующих сознание. Когнитивная лингвистика характеризуется как интегративная наука, преодолевающая ограничения структурного анализа языка, и исследовательская система, способная разрешить ряд проблем интегральной теории сознания.

Ключевые слова: когнитивная лингвистика; функционализм; сознание; интегральная концепция сознания; теория; метод.

Любая рефлексия, включая рефлексии основ человеческого знания, неизбежно осуществляется в пределах языка, и это является нашей отличительной особенностью как людей и как существ, действующих по-человечески. По этой причине язык также является нашей отправной точкой, нашим когнитивным инструментом, пунктом, к которому мы будем постоянно возвращаться.

Матурана Умберто, Варела Франциско. Древо познания

Лингвистика рубежа XX и XXI вв. оценивается современным научным сообществом в качестве науки, формирующей новую парадигму (в соответствии с постулатами Т. Куна), определяемую как антропоцентричная, или функциональная. Два именованных актуализируют разные аспекты теоретико-методологического единства взглядов, находящихся в оппозиции к предшествующему парадигмальному направлению структурализма практически по всем существенно важным параметрам.

В этом противопоставлении на новом уровне, в новой интерпретации предстает «старая» коллизия. История языкознания может быть проинтерпретирована и в аспекте сосуществования, и в аспекте периодической актуализации либо описательной модели интерпретации языка, представляющей объект как правильно организованную номенклатуру элементов, либо модели деятельностной, характеризующей язык в процессах активного коммуникативного взаимодействия автора и адресата, говорящего и слушающего.

Анализируя сосуществование данных линий в развитии языкознания, Б.М. Гаспаров отмечает: «При всей пронизательности философских интуиций о природе языка как духовной “энергии” и о непрерывности развертывания языковой среды сами по себе они не давали ответа на вопрос о том, как конкретно – в каких параметрах и категориях, с помощью каких приемов – язык может быть описан в таком качестве. Здесь у рационалистически-позитивистского подхода оказывалось огромное преимущество, поскольку он опирался на громадную традицию описания языка в параметрах устойчивых, твердых, “закономерно” построенных форм...» [1. С. 21–22].

В то же время новизна переживаемого нами в настоящее время периода в развитии мировой лингвистики – именно в том, что впервые функционализм начинает занимать доминирующее положение в политеоретичном пространстве науки. Многие теоретические постулаты, рожденные в предшествующие эпохи, воплощаются в методологически оснащенные исследования, получают доказательную базу, будучи апробированными на обширном эмпирическом материале. На

этой основе рождаются целостные научные направления, представляющие новую предметную аспектацию объекта на базе единой, интегрированной теории и методологии.

В ядре своем аналитико-описательное и функциональное направления противопоставлены по важнейшим теоретико-методологическим установкам, что уже достаточно полно и глубоко отрефлексировано современной историко-лингвистической мыслью. Охарактеризуем противопоставленность парадигмальных направлений указанием на три «точки напряжения» концепций, состоящие в различии определений: 1) функциональных границ языкознания; 2) предмета исследований, вычленяемого из глобального объекта, являющегося предметом разных наук; 3) методологической платформы исследований.

Итак, в первом аспекте противопоставление подходов ярко выявляется в сопоставлении знаменитого постулата Ф. де Соссюра, заключающего «Курс общей лингвистики» – «Единственным и истинным объектом лингвистики является язык, рассматриваемый в самом себе и для себя» [2. С. 269], и постулата о функциональных границах, сформулированного А. Кибриком: «Все, что имеет отношение к существованию и функционированию языка, входит в компетенцию лингвистики» [3. С. 20].

С различием характеристик функциональных границ языкознания коррелирует и противопоставленность дефиниций языка как предмета лингвистических исследований. На основе ставшего классическим определения языка Ф. де Соссюра (Язык – «это система знаков, в которой единственно существенным является соединение смысла и акустического образа, причем оба эти компонента знака в равной мере психичны» [2. С. 253]) в лингвистической традиции был актуализирован аспект *системности* языка как внутренней упорядоченности *знаков*. Отмечаемый в качестве важнейшего признак языка «психичность» в парадигме структурализма интерпретировался как своего рода аксиома, не вводимая в сферу исследовательских практик. В современных дефинициях языка при сохранении указанных на признак системности акцент переносится на

выделение *функциональной направленности и внешней детерминированности* свойств системы, что, например, мы наблюдаем в определении языка Н.К. Рябцевой: «Естественный язык – чрезвычайно практичная, удобная, эффективная, универсальная, устойчивая, лабильная, гибкая, рекурсивная, самоорганизующаяся, эволюционирующая, осмысленная (способная к рефлексии, «субъектно мотивированная» и др.), креативная и в целом антропоцентричная система ограниченного набора средств социального взаимодействия, предоставляющая своему носителю теоретически безграничные возможности воплощения своих коммуникативных и когнитивных потребностей и намерений, и потому конгруэнтная естественному интеллекту» [4. С. 14].

Редукционистской тенденции строгого *ограничения объекта исследования* соответствуют строгие формализованные процедуры их извлечения из бескрайнего поля речевых употреблений, исключая обращение к внеязыковым факторам, к методам других наук. Именно благодаря структурализму современная лингвистика обогатилась набором формализованных методов внутрилингвистического анализа, важнейшими из которых являются компонентный, дистрибутивный и трансформационный анализ, а также анализ непосредственно составляющих. Применение данных внутрилингвистических методов является надежным доказательством языковой природы выделяемых на их основе феноменов, что в пределах структурализма способствовало закреплению в качестве методологически значимого противопоставления *языкового и внеязыкового*. Десятилетия парадигмального доминирования лингвистического структурализма выявили и эффективность методологии, и ее ограничения. Не вдаваясь подробно в обсуждение данной весьма важной проблемы, отметим те моменты, которые явились, на наш взгляд, стимулом к формированию новых теоретико-методологических установок функционализма.

Во-первых, последовательное применение структуралистской методологии приводит к выявлению *ядра*, но не всей системы (это утверждение распространяется как на описание языка в целом, его уровневых подсистем, так и на интерпретацию отдельных единиц, например системы лексического значения слова). В результате формируется «слишком правильная модель языка», выводящая за свои пределы значительный объем эмпирически обнаруживаемых, но не вписывающихся в строгие структурные модели описания фактов.

Во-вторых, метод позволяет извлечь ядро языковой системы, анализируя текст. Обратный же переход «от языка-системы» к описанию текста и реальных процессов текстопорождения оказывается невозможным именно вследствие выведения за пределы модели множества «маргинальных фактов», являющихся в процессах порождения речи столь же значимыми, как и ядерные. Существенное значение для формирования новых подходов к описанию языка имело осознание того, что «структурализм выводит за пределы своей компетенции:

- причинное объяснение литературы, заменяя каузальный детерминизм имманентным детерминизмом структуры;
- произведение как динамическое событие;

- семантическое измерение произведения, которое оно обретает за счет своего текстового употребления;
- целевые установки автора и интенциональные значения, которые он вкладывает в свое сообщение;
- акты выбора и инновации, осуществляемые в процессе создания произведения; коммуникативную ситуацию, адресованность текста, требующую учитывать не только его отправителя, но и получателя, а также контекст» [5].

Отмечаемые Г.К. Косиковым ограничения структурного метода по отношению к анализу художественного текста можно отнести к исследованиям реальных результатов и процессов порождения любого текста как интенционально обусловленной единицы.

Таким образом, введение в проблемное поле лингвистики в качестве предмета анализа *текста*, в своей структуре обнаруживающего и авторскую интенцию, и условия порождения в конкретной коммуникативной ситуации, потребовало кардинального расширения предметной сферы, введения в модель описания языка *говорящего человека*, широкого и узкого социокультурного *контекста* текстопорождения. Фокус исследования перемещается с изучения языка на изучение языкового существования и речевого осуществления человека в их обусловленности внешнесистемными детерминациями, от языка – средства коммуникации к языку-коммуникации, от анализа того, как устроено орудие общения, к тому, как оно работает в реальных актах интеракции-коммуникации, от структур объекта – к его функциям.

Сущность интегративного функционального подхода определяется следованием ряду принципов, среди которых в качестве важнейших следует назвать установку на выявление взаимных детерминирующих отношений языка и сложных систем, в которые язык входит в качестве элемента. Обозначим эти системы как «человек», «коммуникация», «культура», взаимные отношения которых можно отразить следующим образом: «человек» ↔ «коммуникация» ↔ «культура». Системы соотносятся как последовательно усложняющиеся: язык входит в коммуникацию посредством сложной системы «человек», которая, в свою очередь, входит в систему коммуникации, включенную в систему культуры и детерминированную ей. В сложные системы язык включается, выполняя базовые и частные функции.

При множестве функциональных интерпретаций языка исследователи в большинстве своем сходятся в том, что в качестве базовых языковых функций, т.е. таких, которые реализуются в каждом употреблении языка и не имеют специализированных средств выражения, следует рассматривать *когнитивную и коммуникативную функции*. Ориентированность на исследование данных функций приводит к формированию двух важнейших направлений современного функционализма: когнитивную лингвистику и коммуникативную лингвистику. В наименованиях данных ведущих направлений обозначаются скорее исследовательские «входы» в язык, однако практика анализа речевой деятельности неизбежно приводит лингвистов к необходимости привлечения теоретико-методологического аппарата смежных отраслей лингвистики. В языковой онтологии две базовые функции существуют в неразрывном единстве, взаимно обуславливая друг друга:

любая коммуникация когнитивно детерминирована, а человеческая когниция глубоко коммуникативна. Гносеологическим следствием онтологического единства и взаимообусловленности базовых языковых функций является направленность современного функционализма на создание интегративной модели описания языка, которую определяют как когнитивно-дискурсивную парадигму [6].

Самое обращение к исследованию базовых языковых функций детерминирует междисциплинарность современной функциональной лингвистики, ее отказ от методологических ограничений, проявляющихся в стремлении опираться только на жестко формализованную методологию структурализма. Так как функциональная лингвистика анализирует использование языка-системы во внешних средах – когнитивной и социальной, которые не могут не оказывать влияния на реализацию функций, современная лингвистика обращается к методологическому и терминологическому аппарату соответствующих наук: когнитивистики, психологии, культурологии, социологии.

Итак, невозможность моделирования порождения текста и текстопорождения без введения в систему анализа человеческого фактора явилась важнейшей внутринаучной причиной, побудившей формировать новую модель описания, антропоцентрическую, или функционалистскую, с привлечением методологии наук, исследующих когнитивные и социальные структуры.

В этой функционалистской, или антропоцентрической, парадигме лингвистического описания когнитивная лингвистика играет ключевую роль, исследуя связи языка и когнитивного механизма в качестве важнейших детерминаций, обуславливающих онтологические свойства и языка, и когниции. Так как постижение их сущности ведет к пониманию того, что есть человек как вид, определяемый в науке *homo sapiens sapiens*, без понимания взаимодетерминирующих связей разума и языка невозможно создание моделей текстопорождения, а также исследование того, как языковая система соотносится с другими системами культуры.

Обращение к проблематике взаимодетерминирующей связи языка и когнитивного механизма в рамках целостного направления когнитивной лингвистики было стимулировано не только внутринаучно, но и извне, из проблематики смежных наук, включающих в свою предметную сферу разные аспекты феномена сознания.

В качестве важнейшего *внешнего импульса*, способствующего оформлению когнитивной лингвистики в качестве самостоятельного направления лингвистического функционализма, следует назвать необходимость решения ряда проблем, актуализировавшихся на определенном этапе развития *теории искусственного интеллекта*. Как отмечает Н.К. Рябцева, разрешая вопрос о том, «насколько возможно моделирование мыслительной деятельности на ЭВМ и представление модели средствами формализованных языков», исследователи приходят к пониманию высокой степени несовместимости принципов работы мозга и компьютера, а также невозможности построить эффективные модели искусственных интеллектуальных систем на основе имеющихся представлений об *устройстве когнитивного аппарата человека и устройстве естественного языка*

[4. С. 12–39]. Прагматические потребности общества в создании искусственного интеллекта привели к обнаружению того, что наши знания о работе когнитивного механизма человека весьма недостаточны, вследствие чего была сформирована задача исследования единого объекта – сознания человека – на междисциплинарной основе.

Развитие теории искусственного интеллекта оказывается зависимым от результатов исследований когнитивной деятельности человека и способов ее семиотической репрезентации в системах естественных языков. Оппозиция *естественный – искусственный интеллект* соотносена с оппозицией *естественный – формализованный язык описания*, вследствие чего актуализируется проблема понимания возможностей *естественного языка* в формировании модели и структур сознания, и искусственного интеллекта.

И еще одна прагматическая потребность современного общества обнаружила определенные «белые пятна» в структурной модели описания языка, поставив вопрос о необходимости новых подходов к его исследованию, – это потребность в кардинальном совершенствовании информационных технологий. Известно то важное значение, которое играет в развитии современных сетевых информационных технологий естественный язык. Однако, как отмечает Н.К. Рябцева, при том, «что ни одна сколько-нибудь эффективная информационная система не может обойтись без лингвистического процессора, стало очевидным, что естественный язык не поддается полной формализации и алгоритмизации» [4. С. 51].

Итак, на пересечении проблемных ситуаций, рожденных в рамках различных теоретических и прикладных научных сфер, – разработок в области искусственного интеллекта, информационных технологий обработки естественного языка, в том числе информационного поиска, машинного перевода и др. – формируется заказ на принципиально иной вариант исследования языка.

На разрешение данных задач нацелена когнитивная лингвистика как самостоятельное направление в рамках лингвистического функционализма и вместе с тем одно из направлений междисциплинарной науки когнитивистики.

Когнитивная лингвистика как наука междисциплинарная интегрирует в собственно лингвистическую методологию теоретический и методологический аппарат наук, имеющих предметом исследования когнитивные структуры, прежде всего методы и подходы когнитивной психологии. Чрезвычайно важное значение для когнитивной лингвистики имели открытия когнитивной психологии, которая изменила представление о природе и функционировании сознания, в том числе и о связях когниции и языка/речи.

Констатация связи языка и сознания имеет столь же древнюю историю, как и сама лингвистика. За более чем двухтысячелетнюю историю рефлексий этой проблемы сформировалось значительное количество школ и направлений, различающихся как определением *границы*, выделением существенных *свойств языка и сознания*, так и определением *характера их связи*. Именно по этим аспектам интерпретации предмета исследования когнитивная лингвистика либо противостоит другим направлениям, либо на новом уровне продолжает

развивать уже высказанные идеи с привлечением теоретических и методологических достижений гуманитарных наук XX в.

В определении *характера связи языка и сознания* когнитивная лингвистика оппозиционирует разным вариантам редуционистских теорий, в пределах которых язык и сознание рассматриваются как самостоятельные модули, контактирующие лишь «на выходе». Наиболее ярко такой подход представлен в логических теориях языка, в которых языковая семантика интерпретируется как непосредственный слепок с логических структур: смыслы языка формируются в механизмах логического мышления, язык же призван их «означивать». В традиции, заданной европейской «Грамматикой Пор-Рояля», разрабатывается идея о том, что языки различаются характером формальной поверхностной репрезентации глубинных логических категорий. Языковые смыслы есть результат маркирования в языковой форме выборки и конфигурации логически определенных смыслов. Своеобразие языков в таком случае есть результат создания разных конфигураций единого в своей логической основе набора символьных структур. Когнитивная функция языка в такой интерпретации редуцируется до роли формальной репрезентации логических структур, семантика языка или соотносится, или непосредственно отождествляется с логическими категориями.

Разрешение вопроса о том, какова форма «контактирования» языка и сознания, соотносено с вариантами интерпретации природы сознания, что включается в состав когнитивного: только логические структуры или сфера логического рассматривается в единстве с эмоциональной, волевой сферой, сферой телесных ощущений. Антитезу к логическим теориям языка и языковой семантики в истории лингвистической мысли и философии языка мы находим прежде всего в теориях происхождения языка XVIII в., в которых языковые интенции связывались прежде всего с необходимостью выразить эмоции и волю.

В позитивных лингвистических исследованиях эта линия была проявлена в работах психологического направления языкознания XIX в., в советской школе психолингвистики XX в., многие положения которой интегрированы в теорию когнитивной психологии и когнитивной лингвистики.

Когнитивная лингвистика при определении характера связи языка и сознания исходит из представления о том, что языковой и когнитивный механизм взаимно интегрированы и это взаимовлияние столь значительно, что автономное рассмотрение их структур приводит к ограничениям, нарушающим представление о природе объектов.

Новое понимание характера связи языка и сознания коррелирует с новой интерпретацией природы сознания. Когнитивная лингвистика формирует свой предмет исследования в соотношении с интегральной биосоциальной (биокультурной) теорией сознания, формирующейся в когнитивистике как междисциплинарной теории познания.

Главный тезис интегральной биокультурной теории познания, имеющий огромное значение для формирования методологии и практики лингвокогнитивных

исследований: сознание воплощено, интегративно, не следует высшие формы отрывать от других форм рефлексии, так как последние опосредствуются первыми [7, 8]. Язык при этом рассматривается не в бинарной оппозиции «язык – мышление», но в более сложном соотношении «язык – сознание – мозг – тело», т.к. «разум порожден в ходе взаимодействия тела и мозга в процессе эволюции в течение индивидуального развития в текущий момент», что доказывается в концепции А. Домазио: «...наши самые отточенные мысли и самые удачные действия, наши величайшие радости и глубочайшие печали исходят от *нашего тела как меры* *ла всего*; разум существует в *интегрированном* *организме и для него...*» (курсив мой. – *З.Р.*) [9. С. 87].

Постулаты об интегрированности языковых и когнитивных структур и воплощенности сознания стимулируют исследователей к поиску новых моделей языкового значения, динамически соотносенных с другими типами когнитивных процессов в фило- и онтогенезе. В качестве примера такой теории приведем концепцию Й. Златева, согласно которой «**значение (З)** есть отношение между **организмом (О)** и его физической и культурной **средой (С)**, определяемой **ценностью (Ц) С для О** (выделено мной. – *З.Р.*)» [8. С. 311]. Типы значений генерируются в разных типах контактирующих субъектов в различных вариантах среды. В качестве важнейших систем значений выделяются стимульно-сигнальная (простейшие, улитка *Aplysia*), → ассоциативная (рептилии, птицы, большая часть млекопитающих) → миметическая (человекообразные обезьяны) → символьная (человек). Человек, порождая особый тип опосредствованного символьного значения – языковое значение, интегрирует в онто- и филогенезе предшествующие типы/этапы формирования значений. При этом интегрируемые типы значений модифицируются, пребывая в контексте новых, и *влияют на формирование символьного значения*, т.е. собственно языкового значения [8. С. 319–354].

Рассмотрение языкового механизма в моделях интегрированного взаимодействия с сознанием, имеющим сложную, не только логическую природу, имеет огромное значение для понимания сущности языка, что важно как для лингвистики, так и для смежных наук. Внутрilingвистическое значение такого подхода проявляется в том, что в анализ описания вовлекаются новые языковые и речевые явления, репрезентирующие воплощенное сознание, субъектную интенциональность, расширяется проблемное поле лингвистических исследований, формируются новые направления лингвистики: когнитивный анализ языковой и речевой прагматики и семантики, в том числе когнитивные теории категоризации, языковых моделей, метафоры и т.д.

Когнитивная лингвистика интерпретирует языковые/речевые феномены в их соотношении с другими типами и формами когниции, выявляя все аспекты их отношений. При этом выделяется взаимнонаправленное движение по двум исследовательским траекториям:

а) от анализа других типов когниции → к объяснению способов языкового мышления, языковых феноменов: языковые структуры анализируются, исходя из понимания их интегрированности в другие виды когнитивных процессов, которые, в свою очередь, интер-

претируются в аспекте их обусловленности, посредством мозга, опытом телесной жизни; → к выявлению способов перевода перцептивного и моторного опыта в символичные языковые структуры;

б) от языкового, символического значения → к другим, предшествующим в фило- и онтогенезе формам когнитивного существования человека; анализ языка как среды существования человека, определяющей его когницию и поведение, выявление того, каков характер конвенций, заложенных в языковых единицах, на которые ориентируется человек в своей жизни. Формируется понятие культурных фильтров, являющихся прежде всего языковыми, опосредствующих наше восприятие даже на самых низших формах перцепции.

При таком подходе многие традиционные лингвистические объекты, в том числе значение языковых знаков, получают принципиально иную трактовку.

Исследование языковой семантики занимает центральное положение в проблематике когнитивной лингвистики, при этом моделируется этот объект принципиально иным способом, в иных соотношениях с применением иного комплекса методов по отношению к структурному подходу.

В структурной модели представления языкового значения, во-первых, подчеркивается его внутриязыковой статус в оппозиции энциклопедическому знанию, моделируясь с применением собственно лингвистических методов; во-вторых, в анализе обособляются разные типы языкового значения, лексические, деривационные и грамматические, что мотивируется постулатом об обусловленности семантики языковой формой выражения; в-третьих, важное теоретико-методологическое значение в рамках направления имеет положение о строгой упорядоченности языкового значения, формулируемого в терминах структурного анализа как строго иерархически упорядоченная совокупность сем.

Интегративная концепция значения в когнитивной лингвистике, опираясь на постулаты о взаимообусловленности языковых и когнитивных структур и воплощенности сознания, развивает положение об отсутствии границы между собственно языковой семантикой и «внеязыковым знанием». Лингвокогнитивные исследования свидетельствуют, что фоновые знания оказывают ничуть не меньшее влияние на языковое функционирование единицы, нежели выделенные в рамках структурного подхода в базовые ядерные дифференциальные семы.

В интерпретации когнитивной лингвистики языковое значение не является строгой упорядоченностью автономных минимальных компонентов, но представляет собой гештальт. Значение одновременно является и организованной структурой, и целостным образом, интегрирующим логическое и интуитивное, чувственное. Разные типы языковых значений находятся в разной степени приближения к полюсам логически упорядоченного и образного, эмоционального, чувственного.

В когнитивной семантике поставлена и разрешается новая проблема: интерпретация в языковой семантике телесного, кинетического опыта человека, опыта его непосредственных контактов с миром. Следствием этого является повышенный интерес когнитивной теории к метафоре, которая рассматривается как базовый лингвокогнитивный механизм формирования абстрактных смыслов в результате символического преобразования первичных смыслов, формируемых в процессах когнитивной переработки телесного опыта.

Двигаясь в противоположном направлении – от языкового значения к другим типам когниции, лингвисты-когнитологи рассматривают языковые значения в аспекте репрезентации ими концептуальных структур, совокупность которых – языковая картина мира – интерпретируется как семиотическая среда, опосредствующая контакты человека с физической средой и влияющая на них.

Исследование языковой картины мира – одно из наиболее активно разрабатываемых направлений когнитивной лингвистики: «Целью лингвистического анализа становится тогда выявление и детальное описание структур знания, мнений, оценок, стоящих буквально за каждой языковой единицей, категорией, формой. При акценте на когнитивную составляющую этих явлений речь идет о их содержании и значении, при акценте на дискурсивную – о способе подачи и распределения информации по «поверхности» рассматриваемых единиц...» [10. С. 29]. Перед современной когнитивной лингвистикой стоят задачи выявления способов, форм языкового миромоделирования, а также влияния языковых моделей мира на другие типы когнитивной деятельности человека, формирование моделей его речевого и неречевого поведения. Разрешая данные вопросы, когнитивная лингвистика вносит свой вклад в разрешение актуальной проблемы построения интегральной модели сознания.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гаспаров Б.М. Язык. Память, образ. Лингвистика языкового существования. М., 1996.
2. Соссюр Ф. Курс общей лингвистики // Соссюр Ф. Труды по языкознанию. М., 1977.
3. Кибрик А.Е. Очерки по общим и прикладным вопросам языкознания. М., 1992.
4. Рябцева Н.К. Язык и естественный интеллект. М., 2005.
5. Косиков Г.К. «Структура» и/или «текст» (стратегии современной семиотики) // Интернет ресурс. Заглавие с экрана. Режим доступа: <http://www.libfl.ru/mimesis/txt/structure.html>
6. Кубрякова Е.С. Язык и знание. М., 2004.
7. Матурана У., Варела Ф. Дерево познания. М., 2001.
8. Златев И. Значение=жизнь (+культура): набросок единой биокультурной теории значения // Studia Linguistica Cognitiva. Вып. 1. Язык и познание: методологические проблемы и перспективы. М.: Гнозис, 2006. С. 308–361.
9. Залевская А.А. Проблема «тело–разум» в творчестве А. Домазю // Studia Linguistica Cognitiva. Вып. 1: Язык и познание: методологические проблемы и перспективы. М.: Гнозис, 2006. С. 82–104.
10. Кубрякова Е.С. Что может дать когнитивная лингвистика исследованию сознания и разума человека // Международный конгресс по когнитивной лингвистике: Сб. материалов. Тамбов, 2006. С. 26–31.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 1 марта 2010 г.